

Коренной помор

22 января – 80 лет со дня рождения (1946 – 6 июля 2007) историка, ректора Поморского государственного университета Владимира Булатова

Сначала – крановщик

В. Н. Булатов дружил с нашим земляком, доктором филологических наук, профессором Литературного института и главным редактором журнала «Литературная учёба» А. А. Михайловым. Однажды Александр Алексеевич с улыбкой сказал своему собеседнику: «Учителя вряд ли были бы рады видеть в своём классе Володю Булатова, того малолетнего: безотцовщина, прогульщик, приводы в милицию. И как это едва не хулиган стал ректором?..»

Булатов с улыбкой развёл руками: дескать, не знаю, так как-то...

Ректором пединститута Владимир Николаевич стал в 40 лет. Возглавлял высшее учебное заведение 21 год. А прежде поработал после школы крановщиком башенного крана, отслужил три года в армии, окончил отделение истории и английского языка историко-филологического факультета Архангельского педагогического института (сдавал экзамены первым), прошёл школу организатора в комсомольских и партийных органах, защитил кандидатскую диссертацию. Степень доктора исторических наук получил, будучи уже руководителем вуза.

У него было много друзей, товарищей, добрых знакомых в научной и художественной среде, в армии и на флоте, на производстве, в бизнесе. В России и за рубежом. На похороны Владимира Николаевича прилетел консул Польши в Санкт-Петербурге Войцех Бутовски, на поминальном обеде он сказал: «Отношения между Польшей и Россией хорошие, кто бы что ни говорил. Свидетельство тому – связи Поморского университета с Познаньским университетом и Слупской педагогической академией».

Консул немного опоздал с вручением ректору ордена Польши. Награда передана вдове.

Российские ордена В. Н. Булатов получил успел – «Дружбы» и «Почёта».

ПГУ сотрудничал с вузами Скандинавии, Финляндии, Германии, Франции, США, Великобритании и другими.

В жилетку никогда не плакал

Я заочно познакомился с проректором по научной работе педагогического института Владимиром Булатовым в 1984 году, когда прочитал в московском ежегодном сборнике «Полярный круг» булатовский очерк «Школьная арктическая экспедиция» – о том, как силами архангельских школьников и учащихся техникумов выполнялось постановление обкома Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) «О заготовке яиц, тушек кайры и добыче рыбы на острове Новая Земля и вывозе заготовленной продукции в г. Архангельск в навигацию 1942 года».

Автор очерка написал о том, как, живя в спартанских условиях в зоне боевых действий, наши юные земляки работали в море и на «птичьих базарах» – на скалах высотой до ста метров, – спасая от голода воспитанников детских яслей, садов, школ. Тех парней-спасителей насчитывалось не меньше ста. А к 1984 году известно было уже совсем немного имён. Вдвоём с Булатовым мы стали пополнять тот короткий список.

Мы много раз общались «под диктофон», когда «Правде Севера» надо было

Ректор Владимир Булатов

отметить юбилей ректора, рассказать о его новой книге или когда он хотел поделиться с самыми разными читателями – до высоких представителей власти – проблемами вуза, который он постепенно, поэтапно превращал в университет классического типа. А. А. Михайлов о пединституте, который сам окончил в своё время, выразился так: «Имея полторы тысячи студентов, институт влачил по провинциальной хляби, не выбиваясь из ряда таких же, областных, нужных, как хлеб, как воздух, как луч света, но в чём-то и заурядных».

В первое время ректорства Булатов знал лично едва ли не каждого студента: институт принимал ежегодно 350 человек, с каждым из них Булатов общался лично – вчерашний абитуриент садился в ректорском кабинете напротив Владимира Николаевича, они разговаривали. Потом приём стал исчисляться тысячами...

В 1991 году, когда институт преобразовывали в педагогический университет, в Москве, в министерстве юстиции предъявили Булатову документ, в котором говорится, что два университета

не могут носить одно и то же имя. Московский государственный университет, как известно, с именем Ломоносова. А наш вуз будет без него? Нет! Имя Ломоносова отстоять удалось.

Накануне пятидесятилетия ректора Поморского международного педагогического университета я с немалым удивлением узнал от его секретаря, что Владимир Николаевич работает без обеда, обходится одним чаем. Он уже десять лет не имел времени на обед... И что сказал мне на это Булатов? «Российский ректор – в отличие, например, от скандинавского – един во многих лицах. На Западе финансовые вопросы решает финансовый директор. У нас же ректор отвечает за всё – от помоек до учебного и научного процесса. Финансовые вопросы приходится решать каждый день. Но не хочу плакать в жилетку, живём в общем-то неплохо. Вовремя выдаём заработную плату, а это не так-то легко. Сами немало зарабатываем на зарплату и стипендии, так как бюджетных средств не хватает. Наши заработки – за счёт международных связей и коммерческих структур».

Прошлое не скрывал

В 1996 году далеко не все рассказывали о своём комсомольско-партийном прошлом. А Булатов перед своим юбилеем показал – на университетской выставке своих работ – и «невыгодные» для себя вещи о роли комсомола и компартии в освоении Северного морского пути: публикации и в академических изданиях, и в таких вроде бы «несолидных» архангельских журналах, как «Агитатор» и «Вестник политической информации». Почему не «спрятал» те журналы? Вот что сказал об этом уважаемый человек: «Что написано пером, не вырубишь топором. А надо ли и «вырубать»? Я не стыжусь сделанного. Политика партии в освоении Арктики была, её никуда не выкинешь. У истоков политики стоял Сталин, этого тоже не выбросишь. Другое дело – какими жертвами далось освоение. Его не только комсомольцы-добровольцы вели. Но что об этом было известно? Где можно было взять ту информацию? Какая там информация, если на военной карте Земли Франца-Иосифа даже

баня была обозначена как секретный объект... Я много работал в центральных архивах. Чтобы попасть, например, в военно-морской архив в Гатчине, требовалось разрешение руководителей Генштаба и политуправления армии... У меня много тетрадок, в которые я переписывал архивные сведения. Эти тетрадки все изрезаны. На выходе их проверяли и «лишнее» убрали ножницами. Была ведь строжайшая цензура».

С пяти часов утра

В тех тяжелых условиях работы, которые ректор постепенно менял, он не прерывал служение науке. За письменный стол садился рано утром – и писал свои статьи, книги. Хватало сил работать и вечером, после завершения дел в университете. (Привычку вставать в пять часов утра завёл со студенческих лет, когда руководил комитетом комсомола вуза.)

В 2006 году, рассказывая о российском североведении в постсоветские годы, профессор, почётный полярник, член научного совета Российской академии наук по Арктике и Антарктике Григорий Агранат подчеркнул: «В рассматриваемый период вышла только одна работа по истории Российского Севера в целом. Это пятитомный труд (написан одним человеком!) В. Н. Булатова. Он представлен как учебное пособие, но содержит много слабоизвестных широкому читателю фактов, а главное – освещает российскую дорогу на Север с глубоким уважением к тем, кто эту дорогу прокладывал».

К слову, автор задумывал издать трёхтомник, но оказалось, что накопленный за годы работы над темой материал в трилогию не уложить.

Александр Михайлов об этом же труде и его авторе высказался следующим образом: «Русский Север» – фундаментальный исторический очерк, охватывающий огромный временной отрезок, начинающий с легендарной Биармии, Заволочья (IX–XVI вв.) и кончая XX веком, в основе которого кропотливо изученная всеохватная литература и документалистика, научно выверенная, с авторскими прочтениями, оценками и выводами... Материал освоен гигантский. И здесь проявляется искусство историка и писателя В. Н. Булатова – не упустить ничего значительного и выделить самое главное.

...Давно уже покинувший родные пределы, я все эти годы и десятилетия постоянно бывал в своей губернии, общался со старыми друзьями, заводил знакомства с людьми новых поколений, среди которых самой яркой личностью стал для меня Владимир Булатов. С виду тихий и спокойный, он, безусловно, человек одержимый. Страстный патриот своего края (мы – вагань!), он – человек культуры, русский интеллигент той формации, к которой и было придумано в России это слово, скособоченное ныне как правыми, так и левыми радикалами».

Вагон бумаги бесплатно

А ведь Владимир Булатов, кроме пятитомника, написал и книги об Афанасии – первом архиепископе Холмогорском и Важском; в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» вышел его труд об адмирале Николае Кузнецове. Кроме того, его детище и Поморская энциклопедия, идею которой стали разрабатывать в начале девяностых годов. Скептики утверждали, что реализовать её невозможно: дескать, экономика области развалена – какая там энциклопедия!.. Однако главный редактор первого тома «История Архангельского Севера» Булатов упрямо гнул свою линию. Он объединил в уникальном

Ректор Владимир Булатов и академик Николай Лавёров

труде – в других регионах выходили хилые однотомники, непрофессионально выполненные, – 19 членов редколлегии, больше 160 авторов. (При том что у людей свои политические, профессиональные и прочие убеждения, взгляды, подходы к истории; в процессе работы авторы учились слушать и понимать друг друга.) И сам Булатов написал больше ста статей, в основном по исследованию Арктики.

Кстати сказать, поскольку Булатов умел находить общий язык с деловыми людьми, Котласский целлюлозно-бумажный комбинат выделил на «Историю Архангельского Севера» вагон бумаги.

На презентации тома, в котором около 2500 статей, справедливо говорили: «Ключ к истории края», «Теперь краеведение поднимется на новый уровень», «Повод для гордости северян», «Авторы – подвижники».

А ещё Булатов охотно отправлялся в командировки и экспедиции. Например, в 1990 году вместе с норвежцами искал на Земле Франца-Иосифа зимовку Нансена. Там произошёл случай, о котором Владимир Николаевич, бывший в экспедиции и историком-исследователем, и завхозом, и поваром, рассказал так: «Я остался в лагере один. Ненароком вспугнул медвежонка – и мамаша встала на его защиту. Она оказалась прямо передо мной. Что делать? Любопытный полярник знает, что, если только покажешь зверю спину, он сразу снимет с тебя скальп. Сработал инстинкт самосохранения, я тут же вспомнил – где-то читал, – что шаманы в таких ситуациях танцуют перед зверем и тем самым успокаивают его. И я исполнил что-то похожее на танец шамана. Не знаю, сколько продолжался мой «номер» – может, минуту, может, несколько секунд, – но медведица и медвежонок удалились».

Владимир Николаевич в шутку называл себя коренным помором: «Я жил на улице Поморской, руковожу Поморским университетом, я – главный редактор тома «История Архангельского Севера» Поморской энциклопедии, живу и буду жить на поморской земле, – чем я не коренной помор?..»

Жизнь не менял

В годы страшной безработицы самое большое количество некоммерческих мест предоставлялось молодёжи Севера – по сравнению с другими вузами Архангельска – в альма-матер Булатова «коммерческих» студентов было лишь десять процентов.

Не только тогдашняя молодёжь должна была быть благодарна ректору. К примеру, не в меньшей мере – и бывшие военнослужащие: им приходилось уходить на «гражданку», требовалось переучиться – ПГУ был к их услугам.

Чтобы вуз стал классическим, надо было найти новые кадры. В Архангельске их не хватало. Приходилось приглашать специалистов из ближнего зарубежья, где они после развала СССР оказались в сложной жизненной ситуации, обеспечивать их жильём. К этому не все относились с пониманием, собирали на ректора компромат. (Да и ближайшие-то искренние помощники не всегда верили, что намерения ректора осуществляются. И в самом деле: 1991–1993 годы – стрельба и кровь в Москве; 1998 год – катастрофический обвал рубля, – а у него мечтались! Мало того, ещё и вузы Архангельска в один университет объединить хочет!..)

Нервная нагрузка на Владимира Николаевича возрастала, сердце сдавало. Требовалась операция такая же, какую сделали президенту Б. Н. Ельцину. Но если проконсультировать московских врачей прилетел из-за океана доктор Дебейки, то у нас надо было решиться на операцию, для проведения которой опыта у земляков-кардиохирургов не доставало. Булатов решился. И раз, и другой. Жизнь ему продлили. И всё же судьба по следу шла за ним («как сумасшедший с бритвою в руке» (цитата из Арсения Тарковского)). А ведь он знал об этом «сумасшедшем», но жизнь не менял.

До ректорства Булатову не было известно, что такое больничный лист. В 43 года получил его в первый раз. Он не предполагал, что так долго будет ректором. Ему хотелось спокойно преподавать и писать книги. Но он боялся, что без него будет движение вспять.

Поэтому снова выставлял свою кандидатуру на должность руководителя. И его снова выбирали.

Что только не говорили о щепетильном человеке охочие до сплетен и завистливые люди. Его дочь намеревалась поступить в ПГУ, но отец воспротивился, – чтобы не пошли лишние разговоры. Поэтому Елена стала студенткой Петрозаводского государственного университета. Когда училась на четвёртом курсе, Владимир Николаевич приехал в Петрозаводск с группой норвежцев. Гостей встречал тамошний ректор. Познакомил их со студенткой: «Это наша лучшая переводчица. Зовут Леной». Отца с дочерью познакомил... Она у гостей спросила: на каком языке будем говорить – норвежском, финском, шведском?..

Однажды Министерство образования Российской Федерации премировало Булатова солидными деньгами. Настолько внушительной была сумма, что он не просто смутился, даже испугался. У него вырвалось: «Что будет?» Он чувствовал себя так, будто украл эти рубли.

24 мая 2007 года Владимиру Булатову вручили в Москве международную премию имени Михаила Шолохова. На церемонии вручения Владимир Николаевич сказал: «Север и история Севера – неисчерпаемая тема. Мне ещё предстоит очень много работать, это только начало пути». Но в том же году, 6 июля, Булатов не стало... А работал он до последнего часа. Буквально перед самой смертью провёл в университете круглый стол «Северная Русь в истории восточнославянской цивилизации и Новгородской республики».

Булатов снова заглядывал во вчерашний день и думал о дне будущем.

Прощались с ним в большом зале Поморской филармонии коллеги, друзья, учителя, студенты, представители власти, бизнеса, военные, писатели, архивисты, музейщики, краеведы, библиотекари, читатели. Всем им не хватало и не хватало Владимира Николаевича Булатова.

Сергей ДОМОРОЩЕНОВ
Фото из архива Сергея Клочева